

Политика

Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.

© 2017

В.Я. Портяков

В статье анализируются основные особенности и направления внешней политики Китая в 2016 г. Показано стремление Пекина играть все большую роль в глобальном управлении, для чего используются «дипломатия саммитов» и инициатива взаимодействия в формате сухопутного и морского «шелковых путей». Рассмотрены развитие ситуации вокруг споров по Южно-Китайскому морю, отношения КНР с США и РФ.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, 2016 г., глобальное управление, Южно-Китайское море, США, Россия.

Характеризуя 22 декабря 2016 г. в интервью Центральному китайскому телевидению отличительные особенности деятельности Китая на международной арене в истекшем году, министр иностранных дел КНР Ван И выделил проведение «политики великой державы (*даго*) с китайской спецификой»¹. Пожалуй, именно такая дефиниция раскрывает главную особенность современной внешней политики Китая: самоидентификацию как великой державы и усилия по приведению в соответствие с нею основных ориентиров и базовых параметров внешнеполитического курса. Пекин практически впервые без всяких оговорок признал свой глобальный статус и продемонстрировал желание играть адекватную ему роль в мировых делах. Ван И подчеркнул, что «более зрелый Китай приблизился к центру мировой арены, играя роль стабилизатора в глобальном хаосе».

Одним из главных практических проявлений глобальных амбиций Китая явилась более четкая, чем прежде, заявка на **активное участие страны в глобальном управлении**. Как констатировал Ван И: «В связи с историческими переменами в глобальном балансе сил реформа системы глобального управления будет неизбежной». По его словам, Китай взял на себя инициативу продвижения более справедливой и разумной глобальной политической и экономической системы, предлагая свои варианты решений в сфере глобального управления². Несколько ранее, 3 декабря 2016 г., выступая на открытии конференции Китайской академии изучения международных проблем по анализу международной обстановки в 2016 г., министр иностранных дел КНР подчеркнул, что ки-

Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., профессор, заместитель директора ИДВ РАН.
E-mail: portyakov@ifes-ras.ru.

тайская дипломатия добилась «всестороннего повышения места, влияния и институциональных прав страны в трансформации международной системы»³.

Основанием для таких оценок служит прежде всего заметная роль Китая в подготовке и проведении **саммита G-20 в Ханчжоу**. Как отмечается в китайских СМИ, саммит убедительно показал, что КНР из получателя «общественных продуктов международного сообщества» постепенно становится поставщиком таких «общественных продуктов» (калька с английского *public goods*). Этот процесс отражает переход Китая от пассивного следования международным правилам на позицию активного участника и вдохновителя их формирования⁴. На саммите в Ханчжоу это проявилось, в частности, в последовательном противодействии Пекина протекционизму и в отстаивании открытого характера мировой торговли, в защите принципов инклюзивного роста, в предложении о поиске «новаторских моделей роста» и более тесной координации макроэкономической политики ведущих государств мира. Персонально с именем Китая связана не только Ханчжоуская декларация, но и другой документ саммита — впервые принятый «группой 20» Меморандум о поддержке G-20 индустриализации Африки и наименее развитых государств.

Вполне закономерно, что саммит «двадцатки» в Ханчжоу — одно из первых проведенных Китаем мероприятий такого уровня — был назван «успешным примером дипломатии великой державы с китайской спецификой»⁵.

Еще одной площадкой демонстрации заявки Китая на активную роль в глобальном управлении стал **24-й саммит Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)**, состоявшийся в ноябре в Лиме (Перу). В ходе его работы председатель КНР Си Цзиньпин выступил с двумя важными речами — «Углубляя партнерские отношения, усилить движущие силы развития» и «Глядя в будущее, активно способствовать развитию и процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона», которые в концентрированном виде представили «китайский проект» экономического развития региона.

Его суть — это так называемые «четыре содействия»: «содействуя экономической интеграции, строить открытую экономику; содействуя интенсификации взаимных связей, осуществлять совместное развитие; содействуя реформам и новаторству, укрепить внутренние движущие силы развития; содействуя сотрудничеству и достижению общего выигрыша, углублять партнерские отношения». При этом Си Цзиньпин особо подчеркнул решимость Китая непоколебимо реализовывать эти установки на практике. «Подобная уверенность стала особенно ценной в нынешней ситуации, когда экономическая глобализация сталкивается с трудностями, объемы мировой торговли и инвестиций падают, а протекционизм поднимает голову»⁶.

В комментариях в Китае к выступлениям Си Цзиньпина в Лиме основной акцент сделан на углублении взаимных связей (*ху лянъ ху тун*) как важном инструменте выявления потенциала развития и базовой предпосылке для осуществления совместного развития. В данном контексте подчеркивается значение **китайского проекта «Пояса и пути»**. Он квалифицируется как важный поиск Китая в деле глобального управления экономикой и как проект, продвигающий реализацию целей устойчивого развития ООН до 2030 г.⁷

Несмотря на высказываемые зарубежными экспертами сомнения в конечной успешности проекта⁸, он продолжает, что называется, «обрастать мясом». К середине 2016 г. Китай заключил соглашения о сотрудничестве в формате «Пояса и пути» более чем с 30 странами, а к концу года — с 40⁹. За 11 месяцев 2016 г. китайские компании заключили со странами на пространстве «Пояса и пути» новые контракты на подрядные работы на сумму свыше 100 млрд долл. — 52% общей суммы подобных контрактов¹⁰.

Начальный этап реализации проекта «Пояса и пути» уже показал, что он помогает решать не только экономические, но и политические задачи. Проект стал важным ин-

струментом улучшения связей Пекина с государствами Центральной и Восточной Европы. Важная роль в этом процессе отводится Польше, которая открыла свое консульство в Чэнду вслед за налаживанием грузоперевозок из Чэнду в Варшаву и Лодзь. Помимо прочего, Китай, специально вступивший в январе 2016 г. в Европейский банк реконструкции и развития, ищет подходы к участию в реализации инвестиционного плана председателя Европейской комиссии Жана-Клода Юнкера объемом в 315 млрд евро, призванного дать толчок возобновлению экономического роста на континенте¹¹.

В целом же некоторые китайские эксперты видят значение инициативы «пояса и пути» в том, что она существенно увеличила Пекину пространство для маневра и помогла преодолеть «зацикленность» его внешней политики на «повороте США в Азию» и отношениях с соседними странами¹².

Еще одной особенностью 2016 г. стала активная **пропаганда в Китае особых заслуг председателя КНР Си Цзиньпина в выработке и проведении внешнеполитического курса страны**.

Хотя официально Си Цзиньпин был объявлен «ядром партии» лишь на 6-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в конце октября, однако китайские СМИ, особенно партийные, на протяжении всего года освещали его видную роль в теории и практике деятельности КНР на международной арене значительно шире, чем раньше.

Набор имеющихся внешнеполитических идей и инициатив, связанных с именем Си Цзиньпина, достаточно велик. В их числе: «китайская мечта», продвижение дипломатии великой державы с китайской спецификой, обогащение концепции мирного пути развития, обеспечение комплексной безопасности государства с учетом китайской специфики, инициатива «одного пояса и одного пути», строительство нового типа отношений между великими державами на путях отказа от конфликтов и противостояний, взаимного уважения, сотрудничества и поиска общего выигрыша. Главным, центральным в комплексе его внешнеполитических идей провозглашено положение о «человечестве как сообществе общей судьбы» (*жэньлэй минъюнь гунтунти лилунь*). Оно квалифицируется как важный вклад Китая в мировую теорию международных отношений в XXI веке и, одновременно, как «важный руководящий курс» в реализации «китайской мечты» и в достижении «всемирной мечты». Немаловажно то обстоятельство, что Китай как участник и строитель международного порядка продвигает его практическое совершенствование на принципах «мира, развития, равенства, справедливости, сотрудничества и общего выигрыша»¹³.

Заявка Китая на более высокий статус в глобальной системе международных отношений и на теоретический вклад в обеспечение ее оптимального функционирования требует от него, с одной стороны, «лучше понимать международную ситуацию и иметь большее влияние на нее», а с другой стороны, порождает спрос на «интеллектуальную поддержку внешней политики и стратегии страны»¹⁴. В связи с этим выдвинутая в 2015 г. задача существенного улучшения деятельности различных «мозговых центров» (*think tanks*), занимающихся внешнеполитической проблематикой¹⁵, оставалась в фокусе внимания и в 2016 г. Например, развернутое обсуждение этой проблемы имело место 6 апреля в журнале «Сяньдай гоцзи гуаньси» («Современные международные отношения»), издаваемом Академией современных международных отношений в Пекине¹⁶. В ходе дискуссии акцентировалась новаторская для китайских интеллектуальных кругов мысль, что «мозговые центры» должны не только разъяснять внутренней и международной аудитории действия своего правительства и популяризировать их, но и проводить по-настоящему независимые исследования, служить «голосом общественности».

В «полевой» дипломатии Пекина в центре внимания в 2016 г. находилась **ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ)**. В первой половине года, в ожидании вердикта Постоянной палаты Третейского суда в Гааге по иску Филиппин к Китаю от 22 января 2013 г. по вопросу о принадлежности ряда островов ЮКМ и близлежащих водных аква-

торий, Китай всеми доступными средствами стремился обосновать, прежде всего с помощью исторических аргументов, свой суверенитет над соответствующими территориями. Одновременно оппонентам внушалась мысль, что обострение ситуации стало следствием вмешательства внерегиональных сил, в первую очередь США, и предлагалось вернуться к принципу решения спорных вопросов путем переговоров.

Тем не менее вынесенное 12 июля решение оказалось не в пользу Китая, практически все его претензии на обладание участками суши в ЮКМ (островки, рифы, мели, банки и т.п.) и окружающими их водами были отвергнуты.

В последовавших за этим заявлениях министра иностранных дел Китая по итогам арбитража и правительства КНР о территориальном суверенитете, морских правах и интересах страны в ЮКМ вердикт Третейского суда был объявлен «недействительным»¹⁷ (как это было обещано ранее¹⁸). Вновь было заявлено о суверенитете Китая над островами и наличием у островов ЮКМ эксклюзивных экономических зон и шельфа. 13 июля была опубликована пространная «белая книга» канцелярии информации Госсовета КНР «Китай придерживается позиции разрешения путем переговоров споров между ним и Филиппинами в Южно-Китайском море», в которой подробно излагалась китайская версия истории конфликта¹⁹. В китайских материалах заслуживает внимания тот любопытный факт, что гоминьдановская администрация, принимавшая после Второй мировой войны управление над островами ЮКМ от капитулировавшей Японии, была доставлена «на место действия» на военных судах США²⁰.

Как бы то ни было, многие наблюдатели в мире оценили случившееся как довольно тяжелое поражение Китая. В ряде комментариев звучали даже откровенно злобные нотки, Китаю предрекали «тяжелые времена». Однако Пекину удалось достаточно быстро переломить неблагоприятную ситуацию. Прибегнув к содействию Камбоджи и Лаоса, он минимизировал возможные негативные для него последствия вердикта Гаагского трибунала на встрече министров иностранных дел АСЕАН и Китая во Вьентьяне 25 июля 2016 г. В итоговом заявлении встречи арбитраж не упоминался, одновременно была подчеркнута роль Декларации 2002 г. о поведении сторон в Южно-Китайском море в разрешении имеющихся споров. Участники встречи от АСЕАН высказались за возобновление переговоров между КНР и Филиппинами²¹. А с избранием Родриго Дутерте новым президентом Филиппин начался заметный дрейф этой страны от США к Китаю.

Впрочем, ситуация вокруг ЮКМ разрешилась далеко не окончательно, а лишь совершила очередной круг, вернувшись на близкую к исходной позицию.

Конфликт в ЮКМ негативно сказался на **китайско-американских отношениях**. По мнению одного из ведущих китайских американистов Ван Цзисы, это было вполне закономерно, поскольку развитие ситуации в данном регионе затрагивает как вопрос территориальной целостности Китая, так и стратегическую безопасность США в западной части Тихого океана. В то же время китайский политолог полагает, что проблема ЮКМ не должна определять суть китайско-американских отношений, в чем с ним согласны и некоторые американские эксперты²². В связи с этим на протяжении 2016 г. не раз высказывались предложения перенести центр тяжести отношений КНР с США с конкретных двусторонних проблем на выработку общих подходов и синхронизацию действий в сфере глобального управления. Как утверждает Ян Цземьянь из Шанхайской академии международных отношений, китайский подход не противоречит американскому, они дополняют друг друга. Пекин не стремится заменить созданный и руководимый США механизм глобального управления, он хочет быть лишь участником, строителем и реформатором действующего международного порядка²³.

Таким образом, активизация идеи более тесного сотрудничества Пекина и Вашингтона в сфере глобального управления стала одной из примет 2016 г. Однако, похоже, с ней далеко не все солидарны и в Китае, и в США. К тому же в американской внешней политике немало прагматиков, ставящих во главу угла подход Пекина к решению

практических проблем, беспокоящих США и их союзников. В этом плане показательна критика американской стороной Китая за его возражения против размещения системы ТНААД в Республике Корея: как отмечает известный специалист по Китаю, ныне вице-президент Фонда Карнеги Дуглас Паал, «усилия по противодействию растущей угрозе со стороны Северной Кореи воспринимаются Китаем как агрессивные и требующие от Пекина ответных мер для защиты своей безопасности»²⁴.

С учетом нарастающей неопределенности в двусторонних отношениях многого ждали от встречи Б. Обамы и Си Цзиньпина во время саммита G-20 в Ханчжоу. Как констатировал Д. Паал, «для лидеров США и Китая это была крайне важная встреча, когда они имели возможность напрямую высказать свои принципиальные позиции на фоне непростых отношений конкуренции и сотрудничества, характерных в последнее время для отношений двух держав»²⁵. Итогом встречи стала «сверка часов» по всему спектру двусторонних отношений²⁶.

В перечне итогов встречи, представленном китайской стороной, положительно оценен прогресс в строительстве «междержавных отношений нового типа». Американская сторона выразила поддержку экономическим реформам в Китае, особенно «реформам со стороны предложения», сокращению избыточных производственных мощностей. Было констатировано, что проблема избыточных мощностей в сталелитейной и ряде других отраслей промышленности носит глобальный характер и требует коллективных усилий для ее решения. Отмечено продвижение работы в направлении заключения двустороннего инвестиционного соглашения «высокого уровня». Заметное внимание уделено активизации сотрудничества двух стран в военной сфере, в обеспечении кибербезопасности, борьбе с коррупцией и терроризмом, в области гуманитарных обменов, взаимодействии регионов и побратимских организаций. Международная повестка оказалась прописана очень лапидарно и по набору тем (АТР, Афганистан, Ирак, Сирия, Южный Судан, ООН), и по существу затронутых проблем. Отмечены «широкие общие интересы и общая ответственность за поддержание мира, стабильности и процветания в регионе АТР», приверженность сторон решению сирийской проблемы политическими и дипломатическими методами при ведущей роли ООН.

Определенный позитивный посыл «ханчжоуского саммита» был в какой-то мере смазан фактом избрания следующим президентом США Д. Трампа, не раз прибегавшего в ходе избирательной кампании к антикитайской риторике. К опасениям возможного обострения двусторонних проблем добавилась угроза реанимации Вашингтоном розыгрыша «тайваньской карты». В прогнозах о возможном развитии китайско-американских отношений недостатка нет. Среди них есть и позитивные. Так, известный сингапурский политик Кишор Махбубани полагает, что тесное взаимодействие с Китаем поможет экономическому росту самих США и благоприятно для решения проблем планеты в целом²⁷.

Китайско-российское взаимодействие в 2016 г. носило почти столь же интенсивный характер, как и в 2015 г.

Москва и Пекин широко отметили 15-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и 20-летие провозглашения сторонами курса доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Получила продолжение традиция встреч и обменов мнениями глав Китая и России в формате различных международных саммитов (форумы «двадцатки», АТЭС, БРИКС и т.д.). В то же время визит президента РФ В.В. Путина в Китай 25 июня ознаменовался подписанием не только традиционного Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики, но и дополнительных документов: Совместного заявления Президента РФ и Председателя КНР об укреплении глобальной стратегической стабильности, Совместного заявления Президента РФ и Председателя КНР о взаимодействии в области развития информационного пространства, Декларации РФ и КНР о повышении роли международного права. В общей сложно-

сти по итогам визита В.В. Путина было подписано 37 документов (большинство — экономического характера). Кроме того, к данному визиту было приурочено обнародование Совместного заявления Евразийской экономической комиссии и Министерства коммерции КНР об официальном запуске переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и КНР.

Достаточно плодотворной стала и 21-я регулярная встреча премьеров двух стран в ноябре в Санкт-Петербурге. Достигнута договоренность о создании межправительственной комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока КНР. Наряду с десятками соглашений и меморандумов экономического характера был также подписан межправительственный протокол об итогах первой совместной проверки российско-китайской государственной границы.

Новым элементом сотрудничества в военной сфере стало проведение в сентябре военно-морских маневров двух стран в акватории Южно-Китайского моря (ранее такие маневры проводились в Японском и Восточно-Китайском морях). Маневры планировались заранее, и их проведение после вердикта Третейского суда в Гааге стало случайным совпадением. Однако сам факт их проведения именно в ЮКМ породил немало спекуляций относительно того, насколько далеко может зайти взаимная военная поддержка России и Китая. Отвечая на озабоченности такого рода, пекинская газета «Global Times» отметила в своей передовице: «Покуда у третьей страны нет скрытых мотивов, ей нечего беспокоиться по поводу китайско-российских маневров. Если же некая страна стремится к глобальной гегемонии и доминированию в западной части Тихого океана, ей стоит подумать дважды, ведь с Китаем или Россией трудно иметь дело и поодиночке, не говоря уже о том, когда они действуют совместно»²⁸.

Как бы то ни было, в совместном заявлении РФ и КНР от 25 июня была подтверждена приверженность сторон «поддержанию законного порядка на основе принципов международного права», урегулированию имеющихся споров «мирным путем на основе дружественных переговоров и договоренностей между заинтересованными сторонами, без их интернационализации и вмешательства извне»²⁹.

В комплексе двусторонних китайско-российских отношений все более важное место занимают торгово-экономические связи. Им удалось отойти от шокового потрясения 2015 г., когда объем торговли товарами упал на 28,6% — до 68,06 млрд долл. по сравнению с 95,28 млрд долл. в 2014 г. (по данным таможенной статистики КНР³⁰). Доля РФ в товарообороте Китая снизилась с 2,21% до 1,72%. В 2016 г. объем торговли между КНР и РФ удалось несколько увеличить: он составил 69,5 млрд долл. (прирост 2,2%), в том числе экспорт КНР 37,3 млрд (+7,3%) и импорт КНР 32,2 млрд долл. (-3,1%).

В структуре торговли происходят определенные подвижки. Главным товаром российского экспорта в КНР остается нефть. За 10 месяцев ее поставки составили 39,11 млн т по сравнению с 38,58 млн т за весь 2015 г.³¹ Однако в связи со снижением среднегодовой цены на нефть стоимостной объем её экспорта падает, снижается и доля углеводородов в российском экспорте в КНР: с 71,5% в 2014 г. до 60,7% в 2015 г. и еще ниже в 2016 г. Одновременно в экспорте несколько выросла доля других товарных групп: продовольствия, некоторых видов машин и оборудования.

Взаимное инвестирование постепенно переходит из разряда деклараций о намерениях в область практической реализации. В апреле китайская компания «Хайэр» (Haier) открыла в Набережных Челнах завод по производству холодильников, который стал первым реализованным совместным проектом двух стран за пределами энергетики³². В провинции Хэнань в ноябре российской инвестиционно-промышленной группой «Ви Холдинг» завершено создание комплекса по производству высокоточных алюминевых сплавов и продукции горячего и холодного проката мощностью 600 тыс. тонн в год³³.

Есть некоторое продвижение в развитии двустороннего и многостороннего сотрудничества в создании инфраструктуры Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). 23 июня «на полях» саммита глав государств Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте была одобрена программа строительства экономического коридора Китай — Монголия — Россия. Предметно прорабатываются вопросы создания коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». С китайской стороны согласованы параметры возможного роста грузопотока по двум этим коридорам с 1,5 млн т в настоящее время до 45 млн т в год в перспективе³⁴. Международный транспортный комплекс «Приморье-1», ориентированный главным образом на транзит грузов из провинции Хэйлуцзян через порты Владивостока и Находки в направлении зарубежных портов Японского и Восточно-Китайского морей, уже фактически начал работать. Однако на комплексное обустройство коридора еще нужно до 145 млрд руб. инвестиций. Коридор «Приморье-2», ориентированный на вывоз грузов из провинции Цзилинь через порт Зарубино, требует строительства современной портовой и железнодорожной инфраструктуры. Для его реализации нужны инвестиции порядка 170–200 млрд руб.³⁵

Между тем явная нехватка инвестиций в России и неудовлетворительные темпы ее экономического роста начинают вызывать беспокойство в Китае как фактор, способный затормозить выстраивание оптимальных логистических маршрутов в контексте программы ЭПШП.

Называя Россию «ключевым государством» для успешной реализации всего проекта ЭПШП, некоторые китайские политологи, тем не менее, полагают, что недостаточные финансовые возможности РФ, особенности её экономической системы и «охранительное» отношение России к Центральной Азии в геополитике и геоэкономике формируют потенциальные ограничения и препятствия на пути развития двустороннего сотрудничества, в том числе в строительстве инфраструктуры и реализации ЭПШП в целом³⁶.

После периода колебаний в России осознали, что страна является бенефициаром реализации проекта сухопутного Шелкового пути, и активно стараются использовать связанные с ним возможности.

Если в 2015 г. Китай обеспечивал 41% транзита через Россию, то в 2016 г. эта доля возросла до 74%. Перспективы возможного наращивания транзитных перевозок видны хотя бы из того обстоятельства, что в настоящее время суммарный оборот между Китаем и Европой составляет 14 млн контейнеров в год, из которых через Казахстан — Россию — Белоруссию проходит чуть более 1%. На обустройство транспортно-терминальной инфраструктуры на этом маршруте уже сегодня требуются инвестиции минимум в 2,5 млрд долл., а в перспективе — до 10–12 млрд долл.³⁷

Так что от способности России своевременно изыскать необходимые средства будут зависеть и ее позиции в ЭПШП, и темпы реализации этого проекта в целом.

Следует учитывать и возможную конкуренцию. Китай уже вкладывает крупные средства в модернизацию транспортно-перевалочного комплекса в Белоруссии, который будет обеспечивать короткий выход в Центральную и Восточную Европу. Предлагает свои услуги по транзиту китайских грузов в Европу и Украина. Хотя с учетом необходимости использовать переправы через Каспий и Черное море этот маршрут не самый удобный, Киев стремится завлечь Пекин обещаниями разместить у себя часть китайских экспортных производств и имеющимся у него льготным тарифным режимом в торговле с ЕС³⁸.

* * *

Таковы, на наш взгляд, некоторые основные особенности внешней политики КНР в 2016 г. В текущем году, судя по заявлениям министра иностранных дел Китая Ван И и спикера МИД КНР Гэн Шуана, страна продолжит реализовывать политику ве-

ликой державы с китайской спецификой. Особое внимание придается обеспечению благоприятной международной обстановки для проведения XIX съезда КПК, организации в Китае форума высокого уровня по проблеме «Пояса и пути» и китайскому председательству в формате БРИКС. Будут продолжены усилия по совершенствованию глобального управления. Китай рассчитывает сохранить здоровое развитие взаимовыгодных торгово-экономических связей с США в период «вхождения во власть» новой администрации во главе с Д. Трампом³⁹.

Наряду с Россией и Европой, фигурирующими в числе приоритетных направлений политики Пекина в 2017 г., стоит также обратить внимание на Японию и Индию, отношения Китая с которыми в 2016 г. находились несколько в тени.

1. *Wu Qimin, Wu Lejun, Zhao Cheng*. China's "circle of friends" enlarged in 2016: FM. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/1223/c90000-9158589.html>.
2. Там же.
3. *Ван И*. 2016 нянь ши Чжунго вайцзяо гунцзянь кайто дэ чжунъяо и нянь: [2016 год стал важным годом новаторства во внешней политике Китая]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/1203/c1002-2892245.html>.
4. *Ван Жэньгуй, Шу Сишэн, Хуан Яньжань, Чжан Юэсэн*. Цюаньцю цзинци чжили дэ чжунго лилян: [Сила Китая в управлении глобальной экономикой]. Ляован. 2016. № 37. С. 17.
5. *Цзя Сюдун*. G-20 Ханчжоу фэнхуй. Чжунго тэсэ даго вайцзяо ици чэнгун шисянь: [Саммит G-2 в Ханьчжоу: успешный образец дипломатии великой державы с китайской спецификой]. Ляован. 2016. № 37. С. 24–25.
6. *Вань Пэн*. Си Цзиньпин цзичжун чаньцзи ятай фачжань «Чжунго фаньянь» фэнфу цюаньцю цзинци чжили нэйхань: [Си Цзиньпин в концентрированном виде разъяснил «китайский проект» развития АТР, обогащающий содержание глобального экономического управления]. URL: <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2016/1123/c385474-28888696.html>. (дата обращения: 23.11.2016).
7. Там же.
8. См., например: *Holland Tom*. Why China's "One Belt, One Road" plan is doomed to fail // *South China Morning Post* (Hong Kong). 6 Aug. 2016.
9. Китай и более 30 стран подписали соглашения о сотрудничестве по инициативе «Один пояс, один путь». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0606/c31518-9068740.html>. Дата обращения 07.06.2016; *Ван И*. Указ. соч.
10. Прямые инвестиции из Китая за рубеж за 11 месяцев выросли более чем на 55 проц // *Синьхуа*. 15.12.2016.
11. *Zhao Minghao*. Belt, Road a boon to Central, Eastern Europe // *Global Times* (Beijing). 20.06.2016.
12. *Yong Wang*. Offensive for defensive: the belt and road initiative and China's new grand strategy // *The Pacific Review* (Vancouver). 2016. Vol. 29. No. 3. P. 455–463.
13. *Чэнь Сюйлун*. Жэньлэй миньюнь гунтунти лилунь цзай Си Цзиньпин вайцзяо сысян чжун дэ дивэй хэ ии: [Место и значение теории человечества как сообщества общей судьбы в дипломатических идеях Си Цзиньпина] // *Дандай шицзе* (Современный мир). 2016. № 7. С. 8–11.
14. *Zhu Feng*. International Relations Think Tanks and Their Issues // *Contemporary International Relations* (Beijing). 2016. Vol. 26. No. 3. P. 14.
15. 20 января 2015 г. ЦК КПК и Госсовет КНР обнародовали «Мнения об усилении строительства «мозговых центров» нового типа с китайской спецификой».
16. Некоторые выступления в ходе дискуссии представлены в англоязычной версии журнала *Contemporary International Relations*. 2016. Vol. 26. No. 3. P. 14–39.
17. Statement of Chinese Foreign Ministry on the Award of 12 July 2016 of the Arbitral Tribunal in the South China Sea Arbitration Established at the Request of the Republic of the Philippines; Statement of the Government of the People's Republic of China on China's Territorial Sovereignty and Maritime Rights and Interests in the South China Sea // *Beijing Review*. 2016. No. 30. P. 13–16.

18. The Tribunal's Award in the "South China Sea Arbitration" Initiated by the Philippines Is Null and Void // People's Daily Online. 2016. June 11. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0611/c90000-9070386.html>. (Материал подготовлен Китайским обществом международного права).
19. «Белая книга» была, например, опубликована на китайском и английском языках в приложении «Документы» журнала "Beijing Review". 2016. No. 29–30.
20. См., например: The Final Award of the Arbitration amounts to Nothing more than a Piece of Paper: Full Text of Dai Bingguo's speech at China — U.S. Dialogue on South China Sea Between Chinese and U.S. Think Tanks // People's Daily Online. 2016. July 07.
21. *Yu Lintao*. Let's Talk. China and ASEAN are committed to promoting dialogue and prosperity despite regional tensions // Beijing Review. 2016. No. 31. Aug. 4.
22. *Ань Ган*. Чжун Мэй гуаньси жэдянь вэньти, ляньго сюэчжэ цзэнмо кань?: [Как ученые двух стран смотрят на горячие проблемы китайско-американских отношений?] // Шицзе чжиши. 2016. № 13. С. 55.
23. Там же. С. 56.
24. *Douglas Paal*. Последнее турне Обамы в Азию: попытка разрешить противоречия с Китаем. URL: <http://carnegie.ru/2016/09/13/ru>.
25. Там же.
26. См.: Чжун Мэй юань шоу Ханчжоу хуйу чжунфан чэнго циндань: [Представленный китайской стороной перечень результатов встречи глав Китая и США в Ханчжоу] // Жэньминь жибао. 05.09.2016.
27. *Kishore Mahbubani*. Why Trump should work with China // CNN. 10.11.2016.
28. Sino-Russian drills show mutual support // Global Times (Beijing) 12.09.2016.
29. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики 25 июня 2016 года // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>.
30. Хайгуань тунцзи: [Таможенная статистика]. Пекин. 2015. № 12. С. 118.
31. *Старинская Г.* Китай медлит с трубой // Ведомости. 19.12.2016.
32. *Коростиков М.* Поворот на Восток привел в Японию. Успехи и неудачи российской политики в Азии // Коммерсант. 30.12.2016.
33. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1110/c31518-9139472.html> (дата обращения: 10.11.2016).
34. *Вдовина Т., Коростиков М.* Дальний Восток испытал прилив инвесторов. На ВЭФ прошел китайско-японский день. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3080905>.
35. *Платонова М.* Приморье прирастет транзитом // Коммерсант. 02.09.2016.
36. *Сюй Цинхуа, Ши Иньхун*. Чжунго дуйвай чжаньлюэ чжун дэ Элосы: сяньчжо ии юй цяньцзай фусян: [Россия во внешней стратегии Китая: большое значение и скрытые препятствия] // Чжунго вайцзяо (Пекин). 2016. № 7. С. 29–32.
37. *Штанов В.* Россия выезжает на «Шелковый путь» // Ведомости («Грузоперевозки»). 13.12.2016.
38. *Никорак И.* Украина должна максимально использовать возможности Шелкового пути. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0105/c31519-9162997.html> (дата обращения: 05.01.2017).
39. Вайцзяобу: цзисюй кайчуань Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь цзюймянь: [Министерство иностранных дел: продолжить создавать новую обстановку дипломатии великой державы с китайской спецификой]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0103/c1002-28996071.html>. (дата обращения: 04.01.2017).